
ПОЭЗИЯ

Всеволод Кузнецов
(г. Москва)

PERSONALIA

Поэт Всеволод Кузнецов. Художник Ирина Горностаева (из Ярославля), выпускница Российской Академии живописи, ваяния и зодчества (2006 года); 2004 год, картон, масло, 100×70.

Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей и Союза журналистов России, Творческого клуба «Московский Парнас» и Академии Российской литературы. Родился в Москве в 1938 году. Окончил геологический факультет МГУ и спецотделение факультета журналистики. В течение 25 лет работал в геологических экспедициях, в качестве: геолога, начальника отряда, партии, в различных районах, в том числе и в Тульской области, где сотрудничал (публиковал стихи и заметки) с газетами: «Коммунар» (г. Тула), «Металлург» (НТМЗ), «Маяк» (г. Киреевск). В памяти такие имена, как Нина Балужева, Эвальд Коротков... Было это в начале 70-х годов. С Тульским краем меня связывает многое: здесь жала дальняя родня — предки Кондратия Рылеева, его дочери Анастасии — Органовы, Пузины... Комендант Берлина (после Берзарина) генерал Александр Котиков, дочь которого Лена (монахиня Анна, к сожаленью, почившая), супруга моего племянника, художника Сергея Симакова (в Угличе экспонируются его живописные работы), а ныне — игумен Рафаил (Михайло-Архангельский монастырь, «что близ Углича, в бору»)... А другая дочь, актриса Театра Сатиры Светлана Котикова, послужила прообразом ребенка на руках советского воина в скульптурной композиции Вучетича, в Трептов парке, в Берлине...

С 1973 года, активно сотрудничал с редакцией советско-болгарского журнала «Дружба». А затем и работал в отделе литературы и искусства: редактором, ст. редактором, заведующим отделом. С 1991 года журнал стал называться «Россияне». Главный редактор: Замечательный наш поэт Владимир Иванович Фирсов.

С 1975 года участвовал в работе литературного объединения «Вальцовка», при заводе «Серп и Молот», ныне носящий имя, не менее прекрасного поэта и человека, Александра Федоровича Филатова. В 1984 году я организовал у себя в Подмосковье литобъединение «Луговая». Участвовал и участвую также в работе литобъединения при МГУ «Воробьевы горы». Активно сотрудничаю с поэтами Болгарии, с некоторыми из которых: Матеем Шопкиным, Георгием Чичаровым, Льчезаром Еленковым и другими знаком еще со времени работы в «Дружбе». Имею около двух десят-

ков поэтических книг своих друзей и коллег, переведенных мною на русский язык. В свою очередь, и мои книги переведены и изданы в Болгарии. Имею и собственные поэтические книги и многочисленные публикации в периодике...

Еще можно добавить, что тесно (исторически, связан с Костромской, Ярославской, Рязанской и Владимирской областями — и не только по работе). В этих краях жили и живут мои родственники, среди которых люди с очень интересной судьбой, даже известные за пределами места проживания... Так, скажем, на родине С. А. Есенина в селе Константинове мои родичи Куприяновы (владея селом с 1879 по 1897 гг.) построили земскую школу, в которой будет учиться будущий поэт, и придел в Казанском храме — во имя Веры, Надежды, Любви и Софии. А в Костроме жил известный педагог, Герой труда Константин Петрович Аржеников, родной брат моей прабабушки. На ярославщине — мой родной дядюшка, педагог и актер Народного театра, со своей многочисленной семьей (у него тоже имеется книги по педагогике), и упомянутый мною игумен Рафаил, художник Сергей Симаков, и др.

ЯЗЫК ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Ф. И. Тютчев

Бутылки пивятся вокруг,
Брань изрыгая горлом узким:
Язык уходит из-под рук —
Родной язык, могучий, русский.

«Прикол» — повсюду, — «как бы», «блин»...
И нас Минздрав предупреждает,
Что алкоголь и никотин
Над серой жизнью возвышают...

И, словно рок, на небе рог
Тельца златого из-под тучи:
Язык уходит из-под ног —
Язык великий и могучий...

Но как тебя нам удержать
И сбросить рабские оковы? —
У нас особенная статья,
У нас особенное слово!

И среди множества дорог,
Ведущих к языку сегодня,
Началом будет слово «БОГ»,
Благословение Господне.

* * *

Заткну я уши, чтоб не слышать,
Как искажают речь живую,
Глаза прикрою, чтоб вслепую,
Пройти рекламные афиши.

Но как и чем отвлечь сознание
От повседневности убогой?..
И тщетны будут все старания
Окольной миновать дорогой.

Лишь Божий дар, душе подвластный,
Вноси, как лепту, на благое,—
Душе видней с горы парнасской
Лекарство дать: кому — какое.

* * *

*Зинаиде Евгеньевне Александровой,
автору капитального труда
«Синонимы русского языка»*

Гляжу я — все, кому не лень,—
Книжонки, книжища варганят,—
Идет такая дребедень,
Подстать тому, что на экране.

Одни учебники строчат,
Другие — мемуары пишут,
Таланты только и молчат,
Таясь в своих духовных нишах.

Им торопиться — не к лицу,—
Все надо взвесить и проверить...
Талант — подобен мудрецу,
Что нам семь раз велит отмерить.

Конечно,— риск, притом,— большой,
И может труд бесценный сгинуть...
Но что поделаешь с душой —
Ей безразличны Буккер, Гиннесс...

СТИХИ ПИСАТЬ — УДЕЛ НЕМНОГИХ...

*Членам литературных объединений:
«Вальцовка им. А. Ф. Филатова», «Луговая»,
литературного клуба «Воробьевы горы»*

Спрошу себя: «Какая сила
Меня толкает в бездну рифм?
Что до сих пор не посадил я
Корабль свой на скалы риф».

Стихи писать — удел не старых, —
Лишь юным свойственен порыв,
Талант — и Божий дар и кара,
Но жалок, кто его сокрыл.

Души, — не тела — состоянье
Определяет сей процесс, —
Души и Разума слиянье,
Подъем сердечный, нервный стресс...

Напрасно ищешь ты покоя
И легкой участи в стихах,
Здесь дело может быть такое:
Ждал похвалы, а вышел — крах...

Стихи писать — удел немногих,
Стихов не пишут на заказ,
Их под прицелом держат Боги,
Облюбовавшие Парнас.

* * *

Ирине Ивановне Ковалевой

В руке затеплилась свеча,
Дымком лугов благоухая.
И от небесного луча,
Глядишь, душа вот-вот отгадет.

И потускневшее перо
Листа пожухлого коснется,
И слово слову улыбнется:
«Теперь руби, хоть, топором!».

СЛОВО

Как отзвук трепетной души,
Как грань величья Духа,
Оно рождается в тиши,
Чтобы дойти до слуха,
И прошептать: «Пиши, пиши!..».

СИЯЛА СКАЗОЧНО ЛУНА...

*Светлой памяти Григория Григорьевича Пушкина,
правнука Поэта*

*...Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...*

М. Ю. Лермонтов

Я вспомнил, друг, ту нашу встречу —
В щипучий, ветренный, мороз,

В селе старинном — теплый вечер,
Что тронул так тебя, до слез...

Как шли-ползли скрипучим настом
В мои безбрежные луга,
Шаляпинским могучим басом
Сопровождала нас пурга...

Лучины свет, тепло камина
И пламень доброго вина,—
Тот вечер сделали былинным...
Сияла — сказочно — Луна,

И возникало ощущение:
Как будто, кто-то сердцу вял,
И неземные откровенья
Крещенский вечер нам являл...

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ВЕТЛУГА
(по народной легенде)

Запах сена дурманит
И уносит в луга,
Здесь на пойменной дали
Разбежались стога.
Под звенящей косою
Травы падают ниц.
Это было со мною?
Время явью вернись.
Сероглазый и русый,
И косая сажень,
На жалейке искусно
Под покосную звень.
Отыграю и в поле
Вывожу я коня.
Ах ты, русская доля,
Нет счастливей меня!
Деревенька на горке,
А под нею — река.
Хорошо здесь на зорьке,
Не круты берега.
В тихих омутах — рыбы!
Всю ее не словить.
Безмятежно нам жить бы,
Да пришла неясать*!
Из-за леса с востока
Налетели гурьбой.
Знать, татарского рока
Не пройти стороной.
И татарский наместник
Объявился в селе.
Стал девчат он невестить,
Похваляясь в седле.
.....

* Неясать — человек, ненасытно жадный к пище, или к богатству, отличиям и др. (Даль В. И.).

Имя мне при рожденье,
(Повитухи совет),
Дали как во спасенье,
Словно выдохом — Вет.
На гульбе за деревней,
Где поет молодежь,
Я играю без лени,
Что с меня ты возьмешь?
Помогите мне, други,
Признаюсь я в любви.
Как красавицу Лугу
В хоровод заманить?
На Ивана Купала
Зажигали костры,
Девки речкой гадали:
Ее воды быстры.
Только, что нагадаешь?
Если сердце болит,
Моя Луга, ты знаешь?
Подожди до зари.
А наступит лишь завтра,
Сватов вышлю к отцу.
И скрывать свою правду
Мне совсем не к лицу.

.....

Утром по воду Луга
Вдоль по улице шла,
А татарские слуги,
Словно тень вдоль села.
И послал их наместник,
Что б сказали отцу:
«Луга будет невестой,
Собирайте к венцу.
По обычаям ханов
Совершим мы обряд,
Денег будет не мало,
Был бы красен наряд».
«Ах, отец, пощадите,
Меня Вет будет ждать.
От полона спасите,
Ну, за что мне страдать?»
«Пожалей меня, дочка,
Что я сделать могу?
Бог не дал мне сыночка,
Сам я волосы рву.
Ты же знаешь, родная,
Если я откажу,
То от края до края
Лишь врага наживу.
И татарское племя
К нам придет навсегда.

Не на сборное время,
На лихие года». «Что ж, коль так это нужно,
Быть татарской женой,
Я прощаюсь, подружки,
Со своей стороной». А наместнику Луга
Лишь условье одно:
«Я хочу, чтоб на стругах
Плыли мы за село.
Пусть на речке играет
Нашу музыку люд,
И от края до края
Наши песни поют». Удивился наместник,
Но согласие он дал.
На все струги навесил
Серебро и опал.
В той ладье, где невеста
И татарский жених,
Мне нашлось тоже место,
Мой рожок, что ты стих?
На стремнину речную
Наша лодка плывет,
И гляжу я на Лугу,
Может что-то поймет?
Я кивнул ей на воду,
Она веки сплела.
Что ж, любимая, ходу!
Твоя ручка бела.
Ахнуть все не успели,
Как мы в омут вошли.
Жаль, что песню не спели,
Но свободу нашли!
С той поры нашу реку
Все Ветлугой зовут.
Пять без малого веков
Мы с любимую тут.
Отражаются в водах,
Словно в наших глазах,
Всех цветов хороводы
На веселых лугах.
На угорах, как роспись,
Грозди алых рябин,
Разноцветная осень
Опрокинулась в синь.
Перекаты, стремнины,
Русло вьется в лесах.
На прибрежных равнинах
Ель, береза, сосна.
Утром тихим до звона,

Словно зеркало — гладь.

А от рыбьего гона

Только круги видать.

Журавли над рекою,

Улетая, трубят.

Лебединые стаи

Над Ветлугой летят.

Говорят ветлуган,

И верна эта мысль:

«Течь Ветлуге по краю,

И не кончится жизнь!»

.....

Запах сена дурманит

И уносит в луга.

Лишь обрывками память,

Как на пойме стога.

Анатолий Миронов
(г. Щекино)

А ЖИЗНЬ БЕЖИТ

Окончил Тульский государственный педагогический институт. Печатался в коллективных сборниках «Поэты-туляки», «Великий май», «Отчий край», в литературных альманахах «Солова», «Поэтическое братство», «У засечной полосы», в центральной, областной и местной прессе. Изданы книги стихов «Живу любовью» (1998 г.), «Дорога к сердцу» (2004 г.).

* * *

А жизнь бежит,
Как тропка по лесу.
Ее не сделать на заказ.
То бросит к Северному полюсу,
А то — на солнечный
Кавказ.
То кажется
Смертельно долгою,
А то — стремительным
Броском.
То катится
Широкой Волгою,
А то — иссохшим
Ручейком.
Порой она —
Кристалльно-чистая,
Свежа,
Как роща на заре.
Порой трясет
Тебя неистово,
Как лютый ветер
В январе.
Немало в жизни
Встретил искренних,
Доброжелательных
Людей.
Но лишь в беде
Узнал я истинных,

До гроба
Преданных друзей.
Ничто в них
Не убило совести:
Ни тюрьмы,
Ни жестокий труд.
О них сегодня
Пишут повести
И песни гордые
Поют.
Пускай судьба
Порой нелегкая,
Но потому
Я ей горжусь,
Что я иду
Одной походкою,
Одним путем
С тобою, Русь!

ЗЕЛЕНЬЙ ТОМИК

С. Есенину

Когда мне было двадцать лет,
Весной, в одно из воскресений,
Достал мне где-то мой сосед
Зеленый томик: «С. Есенин».
И я ушел в тенистый сад,
Подальше от жары и пыли,
Читал я три часа подряд
И оторваться был не в силе.
Как счастье, я держал в руке:
Ведь в книжке по любой странице,
По каждой крохотной строке
Летала мысль свободной птицей.
Читал я, как у тихих вод,
На отдаленном перекрестке,
Водили русский хоровод
Березки, девушки-березки.
О том, как плачут глухари,
И о признании подруге,
И о гулянье до зари
Весной в черемуховой вьюге.
Рекой лилась тоска и грусть,
Сквозило удалью кипучей.
Предстала там родная Русь
Во всем плачевном и могучем.
Там о животных так с душой
Написано,

что и вовеки

Иной бы с нежностью такой
Не написал о человеке.
Глядел я долго на портрет
И с жаром повторял влюбленно:
«Какой поэт! Какой поэт!»
И мне казалось: горы, клены,
Березки и вишневый сад,
И солнышка лучи косые
С любовью на него глядят,
С любовью смотрит вся Россия.
И, кажется, хотят сказать
Вот в этот тихий день весенний,
Подобно мне, смотря в глаза:
«Спасибо Вам, Сергей Есенин!»

Надежда Сорокина
(г. Тула)

РАЗЛИЛАСЬ ЛЮБОВЬ КАК МОРЕ

Автор сборников: «Капля снеговая», «Роза апреля», «На острие травы», а также своеобразного морального кодекса бедуинов, составленного из переложенных ею в верлибр высказываний древних арабских писателей — книга «Речи арабов». В жанре фольклорные вариации вышли в печать книги Сорокиной «Пословица вовек не сломится» и «Веснянка». Является членом Союза писателей России, членом Международного Литературного фонда.

* * *

Разлилась любовь как море,
на мою беду.
Я три года возле моря
перевоза жду.

Нежат теплые денечки,
непогода бьет,
только к берегу, наверно,
лодка не придет.

Так ждала, что бросить жалко.
Знать бы, как мне быть.
А на лодке это море
и не переплыть.

Промелькнувший утром парус
сгинул без следа —
над разлукой посмеялась
горькая вода.

* * *

Единственная сущность
прояснится.
Стремлением
душа освящена.

Светильник клонишь —
пламя ввысь стремится.

Пыль вверх бросаешь —
падает она.

* * *

Без тебя тускнеет солнце,
тянутся по небу тучи,
сердце будто укрывает
темнота осенней ночи.

Был бы ты со мною рядом —
успокоил бы улыбкой,
взглядом нежным приголубил,
словом ласковым приветил.

Вместе мы — и жизнь сияет
словно солнце на восходе,
расцветает в сердце радость
зорьки утренней алее.

* * *

Если бы я знала,
что встречу тебя,—
я бы надела чадру —
солнцу не дала
заглянуть мне в лицо.

Если бы я знала,
что встречу тебя —
я бы закуталась
до самых пят
в широкий плащ —
не позволила ветру
руки мои погладить.

Если бы я знала,
что встречу тебя,
я бы ела только
цветочную пыльцу
и пила только
утреннюю росу.

* * *

Уходит лето. Осень настает,
и в руки просится созревший плод,
от груш и яблок аромат идет.
Мы встретились.
Но ты меня не знаешь.
Глядишь в лицо мне
с зоркостью совы,

гормоны счастья носятся в крови,
и ты в своем авто почти взлетаешь.

Жена, квартира, дача — как у всех.
Кого из нас пугает смертный грех?!
Готов весь мир объехать для утех.
Приблизился.
Но ты меня не знаешь.
Бушует плоть — душа не говорит.
Судьба тебе подсунула нефрит,
а что с ним делать — ты не понимаешь.

От эндорфинов мозг почти в хмелю —
поверишь, если я скажу: люблю!
— Красива ягода,
да ядовита.
И розами не подольстишься ты —
я срезанные не люблю цветы.

Борщи хлебать
из общего корыта?!

* * *

Улетая, оставим постылые сети,
невод пыльного города вместе прорвав,
в мир, где вечно свобода лучистая светит,
и под ветром, лоснясь, серебрится трава.

Закрывая глаза, я почти ощущаю
на щеках и губах аромат чистоты.
На цветущих лугах — островки иван-чая.
Мы сроднимся с землей, как лесные цветы.

Алексей Веселов
(г. Йошкар-Ола)

Родился в 1960 году в Йошкар-Оле. В настоящее время проживаю там же. Образование среднее, работаю на железной дороге. Стихи начал писать в 2003 году, после того как пришел в клуб авторской песни «Четверг». Сначала были только песенные тексты, потом начал писать просто стихи. В настоящее время являюсь президентом клуба «Четверг». Печатался в местной прессе. Готовится к выходу книга стихов.

ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ

Присмотрись получше к людям —
Нет, не ангелы они!
Много страха, много блуда,
В суете проводят дни.

И за что им Бог позволил
Жить, поганя все вокруг?
Даже раб в своей неволе —
Всем другим рабам не друг!

Никому нельзя доверить
Ни секретов, ни вещей,
Запирайте крепче двери —
От непрошенных гостей!

Так немного в этом мире
Тех, кто честен и умен,
Кто больших врагов помирят,
Выход в тупике найдет!

Их немного — настоящих,
Тех, кто никогда не врет,
Кто в глухой и темной чаще
Впереди всегда идет!

Кто дорогу разужнает,
И проложит новый путь —
Не пугаясь волчьей стаи,

И ножа, что метит в грудь!
Их немного — тех, кто может
Быть все время на виду,
Кто свои дела отложит —
Если друг попал в беду!

И один из тех немногих —
Это мой хороший друг!
Если я его достоин —
То и я немножко крут!

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОСЕД

У меня сосед — бандит,
Он богат и знаменит.
Все вокруг его боятся
За его ужасный вид.

Если выйдет он во двор —
Впереди его дозор.
Всех шмонают и шпыняют,
Сразу видно — крупный вор.

У него жена — модель,
И шикарная постель,
Только он в постели этой
Не ночует шесть недель.

Липнут девушки к нему,
Все бедняжки не поймут —
Он подружек выбирает
Не из тех что сами льнут.

Он чего-то депутат,
У него широкий зад.
Он сиденье протирает
Вот уж третий срок подряд.

Этот босс не пропадет —
С ним министр виски пьет,
И за каждую бумажку
Он конвертики берет.

Посадить его нельзя,
У него кругом друзья —
Не простые, из народа,
А верхушки кумовья.

У него есть свой завод,
И неплохо он живет.
Все никак его не скинет
Терпеливый наш народ.

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Я хочу изменить свое прошлое —
Говорят, это сделать нельзя.
Пусть оно не такое хорошее —
Но там были любовь и друзья!

И зачем все менять — это без толку,
Все равно от судьбы не уйдешь —
Вариантов может быть несколько,
Лишь один из них будет хорош!

Нам давно уже все предначертано,
Ни прибавить нельзя, ни отнять —
И не стоит стараться, наверное,
Что-то в жизни своей поменять!

Я советы внимательно слушаю,
Но сомнения гложут порой —
Неужели покорными душами
Нас снабдили для жизни земной?

И нельзя изменить настоящее,
С тяжким прошлым порвать навсегда?
И ползем по Земле черепашками,
Как следы, оставляя года?

Нет, наверное, все-таки можно
Петли времени в узел связать —
И суметь изменить свое прошлое,
И себя самого не узнать!

Даже малый шагок в настоящее
Из неправильно прожитых лет —
В нашем будущем станет гудящею
Чередой из лишений и бед!

Я могу изменить свое прошлое —
Все стереть, что я сделал не так.
Да, конечно, менять себя сложно —
Но мне время дает добрый знак!

Юлия Варфоломеева
(г. Улан-Удэ)

Родилась в г. Улан-Удэ, Республика Бурятия в 1983 г. В 2005 г. с отличием окончила филологический факультет Бурятского государственного университета, в 2008 г.— аспирантуру при Бурятском госуниверситете. Кандидат филологических наук. Преподавала русский, английский, древнерусский языки. Обеспечивала методическое сопровождение учебно-методического журнала, работала журналистом. Пишу с 2000 г. Почти все произведения поэтические.

У ДОМА

А я вчера приходила к тебе
Посмотреть на окно небоскреба.
А я простояла всю ночь во дворе,
Не заметив холодность восхода.

Вот окно загорелось: проснулась жена,
Отодвинула завесь оконную.
Одинаково буднично смотрит она
На тебя и кота полусонного.

На работу пора.
Зябнет пес у подъезда.
Насмотрелась с утра
Я на милое место.

Теплый будет денек —
Скоротать бы скорее.
Если б знать только мог...
Но сказать не посмею...

* * *

Я стану жить после разлуки,
Еще сто песен сочиню,
Но буду вечером от муки
Спешить в народа толчею.

Иль, может быть, уединившись,

Читать спасения стихи
И, пледом шерстяным укрывшись,
Все думать: как они легки...

Где б ни была, какие б лица
Ни окружали, я одна.
Открыта памяти страница —
На ней вся боль отражена.

И что мне слезы?.. Что другие?..
И нет спасения в труде.
С того момента и поныне.
Все бесполезно, я нигде.

МОНАХИНЕ

Я устала от песен своих,
В их горниле сжигает меня.
Я устала любить за двоих,
Помолись же, сестра, за меня.

В монастырском спокойном кругу
Мне не быть — я мирская совсем.
Помолись же, сестра, за меня.
Так тяжел этот песенный плен.

* * *

Банальности пишу — знаю.
смотрю в темноту — дождь.
прости за слова, каюсь,
но молчать — это тоже ложь.
прочти и забудь, если хочешь,
А хочешь — не забывай.
холодные нынче ночи...
я знаю, ты тоже знай!..

ОЖИДАНИЕ

Как трудно ждать...
Как трудно каждый раз дрожать,
Звонка услышав позывные,
Как горько каждый раз вздыхать,
Увидев не твое на телефоне имя.

Ждать — это много значит, ждут того,
Кто, несмотря на время и пространства,
Для нашей жизни заключает все,
Ждать — значит верить в чувства постоянство.

И ждать хочу, знать, что пройдешь
Ты это тягостное расстояние.
Я жду тебя — и ты придешь,
Ведь встреча — смысл расставанья.

А если вдруг дожди, снега
Укроют город от тебя,
Я стану светом маяка,
Чтоб сделать легче путь сюда.

И если ты в пути таком
Все ж заплутаешь, об одном
Тебя прошу: поверь, что я
Сама тебя найду любя.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

PERSONALIA:
ТЫ ТАКАЯ РАЗНАЯ, РОССИЯ

Автор — поэт, литературовед, журналист. Член СП России и Международной федерации журналистов. Публикации в центральной, региональной и зарубежной прессе. Издано более двадцати книг.

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

*Только не сжата полоска одна.
Грустную думу наводит она.*

Н. Некрасов

Деревенская старая хата.
Покосился трухлявый забор.
Разрослись и крапива, и мята.
А калитка открыта во двор.

Бродит рыжая тощая кошка.
Видно, где-то скрывает котят.
На скамеечке возле окошка
Две согбенных старушки сидят.

— Здравствуй, дочка. Чего тебе надо?
Наша сдохла в том годе коза.
Есть морковка из нашего сада,
Но теперь нет у нас молока.

Вон под яблоней яблоки пали.
Собери и десяточку дай.
Зажились мы. От жизни устали.
Нам теперь не собрать урожай.

— Ну, а где ваши дети и внуки?
— Ой, родная, в Москву подались.
Им такие там выпали муки.
Тяжело заработать на жизнь.

Говорят, москвичи зажирили.
И у нас, вон, скупают поля.
Тут соседи ходили, смотрели —

Дом, как будто дворец для царя.
А у нас погибает деревня,
Хоть пятнадцать домишек стоят.
Мужиков всего три, совсем древних,
Да пяток наберется ребят.

Нет работы, отсюда и пьянки.
Может, станут здесь жить господа,
Позовут, кто моложе, в кухарки,
Кто покрепче, того в сторожа.

Ухожу, Оставляю деньжата.
Слышу вслед: «Сохрани тебя, Бог».
Сколько их, вот таких, небогатых
Деревень у российских дорог.

А на улице век 21-ый,
Но Некрасова рвется строка,
Об убогой, забытой деревне,
Где «не сжата полоска одна».

* * *

Сирени белоснежной ветки,
Склонялись прямо на крыльцо.
О чем судачили соседки,
Зачем смеялись мне в лицо,

Когда спешила утром к речке
Сквозь золотистый березняк,
И сизый шел дымок от печки,
И рвался в форточки сквозняк.

Меня приветствовали птицы,
Шептались ветер и листва.
И далеко была столица —
Такая шумная Москва.

А здесь, в деревне незнакомой,
Ждал покосившийся амбар,
От солнца жаркого истома,
И разогретый самовар,

В ромашках полевых пригорок,
И сладкий голос соловья,
Но почему-то снова в город
Рвалась усталая душа.

Рвалась в далекую дорогу,
В объятья суеты и зим.
И было лишь известно Богу,
О чем мы в городе грустим.

ВДОЛЬ ВОЛГИ

Вдоль Волги бреду по тропинке
Одна, в окруженье берез.
Блестят на травинках росинки,
Как капельки девичьих слез.

И солнце горячее всходит.
Я чувствую ласку лучей.
Мне жаль, что олень здесь не бродит,
Но вполз на рукав муравей.

Невзрачная вроде букашка.
Ей тоже дарована жизнь.
Природа — прекрасная сказка.
Срываю узорчатый лист.

Играет с ним утренний ветер.
Он, словно дитя, шаловлив.
Я жду неожиданной встречи
И слушаю звонкий мотив.

А птицы так солнышку рады
И рвутся в небес синеву.
Мне волжские воды отрада.
Стою на крутом берегу

Плывет пароход белый-белый,
Как юность на белом коне.
И сердце наполнено верой:
Быть жизни на этой земле!

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Ах, какая благодать.
Выйду на прогулку.
До села рукой подать.
Воздух чистый, гулкий.

И в июльскую жару,
Выпив кружку кваса,
На крылечке посижу
Я у деда Стаса.

Прошуршит веселый дождь —
Мой смешной попутчик.
А в широком поле рожь
Ловит солнца лучик.

Не жемчужин белых нить,
Ни дворцы, ни деньги
Не сумеют заменить
Домик в деревеньке,

Где уютно и тепло
И на сердце вольно.
Солнце смотрится в окно
И душа довольна.

* * *

Аромат тугих стогов
И душистых елей,
Баб у русских теремов,
Деток в колыбели,

Зной, звенящий на ветру,
И раскаты грома
Увезу с собой в Москву.
В «городских хором»,

Когда в миг от тяжких дум
Сердце холодеет,
Вспомню речку, старый дуб
И ценить сильнее

Стану нежные слова,
Краткие минуты.
Изменить смогу судьбу,
Словно в сказке круто.

Снова выберу простор.
Сяду на попутку
И умчусь в зеленый бор,
К озеру, где утки

Ходят длинным косяком,
Не пугаясь шума,
Где на горке старый дом
И свобода думам.

КОСТРОМСКАЯ ДЕРЕВУШКА

Деревушка на побережье
Вся резная, вся деревянная.
Словно с кисти сошла Поленова.
Смотрит в Волгу открытыми ставнями.

Травы скошены и копешками

У заборов стоят, красуясь.
Как мне радостно ходить стешками,
Красотою садов любуясь.

К берегам притулились лодки
И беседы ведут с осокой.
В сарафане выходит модном
Из избы-теремка молодка.

Загорелая, крупнотелая.
О таких говорят, дородная.
И при этом, конечно, смелая.
И в любви и в делах свободная.

А в садах столько яблок сочных
И рябины шумят у порога
Любовалась бы днем и ночью
Летом вытканною дорогой,

Где подсолнухи озорные
И пестреют яркие астры.
Здесь найдешь все слова простые,
От которых светло и ясно.

ОСЕННЕЕ

Алые гроздья рябины —
Осени первый привет.
Вспомнятся строки Марины,
Тихий сентябрьский рассвет.

Рядом шиповник алеет
И георгины в букет
Проятся, искренне веря,
Что так продлится их век.

Скачет воробышек шустрый.
Желтый подсолнух созрел.
Сколько хозяйшкам нужно
Сделать к зиме разных дел.

Варят и солят, и сушат,
Чтобы набить погребок,
Чтоб отвести с семьей душу
И скоротать вечерок.

Будет варенье с рябиной,
Будет с шиповником чай.
Осень наполнит корзины.
Радует глаз урожай.

Осени время настало.
Осень врывается в жизнь.
Шепчет рябина устало:
«Ты до весны продержись».

Не поддавайся печали,
Не отдавайся тоске».
Листья еще не увяли.
Тихо, светло на душе.

Солнышко сердце согреет
Самым последним теплом.
Мы ведь до старости верим
В то, что еще проживем.

СТОИТ РОССИЯ

«С Богом! — старушка сказала.—
Вот яблочек собрала».
Меня похищали вокзалы.
Меня ожидала Москва.

«Ты к нам приезжай снова летом».
В глазах ее светлая грусть.
Похожа на маму поэта,
Воспевшего матушку Русь.

Стоит на дороге в платочке
И в ветхом чужом шушуне.
«Вернись обязательно, дочка.
Напишешь о нашем селе».

Тебе ведь понравилась Волга
И наши сады и леса.
И ехать не так уже долго.
Конечно, у нас не Москва.

Удобств нет и нет в магазине
Заморских сыров и колбас.
Дороги плохие — суглинок.
Но есть у нас яблочный квас,

Огурчики крепкие с грядки.
От Машки — козы молоко.
Жаль, нету в России порядка.
Пустеет и наше село.

Но Бог нас, молю, не покинет.
Не только иконой в углу,
Он всюду, везде над Россией.

Поможет родному селу.

Как думаешь, дочка, поможет?
Почувствуем силу свою?»
А голос старушки тревожен,
И сердце скрывает слезу.

Стоит чья-то добрая мама,
В полет проводив сыновей.
И надо ей, в сущности, мало.
Ты словом ее обогрей.

Прижалась ко мне, прослезилась:
«Ах, если б была ты мне дочь».
А мне моя мама приснилась
В ту душную летнюю ночь.

Старушку беру я за плечи,
Целую в морщинистый лоб.
Мы все с вами малые дети,
Пока наша мама живет,

Пока защищает Россия,
Пока нам Отчизна, как мать.
Простите, старушки, родные,
Что молодость вам не догнать.

Стоит на дороге, и синим,
Мне выцветшим машет платком.
Стоит, улыбаясь, Россия.
Стоит, защищая свой дом.

* * *

Сердце болит о России.
Стих мой суров и угрюм.
Дай же мне, Господи, силы.
Гложет бессонница ум.
Перья макну не в чернила —
В сердца горячую кровь.
Словом спасаю Россию,
Веру, Надежду, Любовь!

Владимир Резцов
(г. Тула)

ЗАРЕЗЦОВКИ

Жизнь посвятив труду в спортивной школе,
Даря ему свою любовь и нервы,
Я счастлив был. Но, зная, по Божьей воле
Все обвалилось в девяносто первом.

Да есть ли хлеб учительского горше?!
Печать эпохи, времени примета:
Ты — детям душу, а тебе за это —
Четыре тыщи в месяц и не больше.

Совсем пришли дела мои в расстройство,
И мнилось, что уже не будет лучше.
Но я сходил в бюро трудоустройства
И вот, теперь — «дежурный на ресепшн».

Сей парадокс понять я не умею!
Не надо ни уменя, ни сноровки:
Шутя весь день переключаю кнопки —
И десять тысяч ни за что имею!

* * *

В час, когда время полочки придет,
В кассе мне выдадут восемь — семьсот.
Только не буду ни пить, ни гулять,—
Сказано: попусту деньги не трать.

Скрягою буду я деньги копить.
Мне на широкую ногу не жить.
Пояс потуже... Не жизнь, а тоска...
Не Абрамович я, дурья башка!

* * *

Поет душа. Ну как постичь ее,
Коль в радость и дурная весть?
Ну что ж, что денег нет *в наличии?*
Зато в отсутствии-то — *есть!*